
Т.М. Калинина

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА
АРАБСКИМ УЧЕНЫМ X в. АЛ-МАС‘УДИ*

В XIV в. арабо-мусульманский мыслитель Ибн Халдун писал об Абу-л-Хасане ибн ал-Хусейне ал-Мас‘уди, ученом, жившем в первой половине X в.: «Упоминание об общих условиях на широких просторах [Земли], о поколениях [людей] и эрах является важнейшей основой для историка, на которую направлены его устремления и посредством которой становятся ясными собранные им сведения. Этому историки посвящали целые работы. Так же поступил ал-Мас‘уди, сочинив свои “Промывальни золота”. В этом труде он объяснил условия жизни народов и стран вплоть до своего времени — на Западе и на Востоке. Масуди также рассказал о религиозных верованиях и обычаях этих народов...»¹.

В 1828 г. в Петербурге востоковед Д’Оссон выпустил на французском языке книгу, написанную от лица вымышленного персонажа, некоего Абу-л-Касима². В ней содержались фрагменты из средневековых арабских сочинений о народах и территориях Восточной Европы и Азии. В их числе приводились сведения из двух сохранившихся трудов арабского писателя ал-Мас‘уди. Один назывался «Промывальни золота и рудники самоцветов» (=«драгоценностей»). Поначалу он был известен в Европе под неверным названием «Золотые луга и россыпи драгоценностей»³. Затем было выбрано наименование «Промывальни золота и рудники самоце-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Проект «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства».

¹ Цит. по: *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998. С. 224–225.

² *Des peuples du Caucase et des pays au Nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne dans le 10-me siècle, au Voyage d’Abou-El-Cassim*, par M.C. D’Ohsson. Paris, 1828.

³ *Maçoudi. Les Prairies d’or / Texte et trad. par C. Barbier de Meynard, Pavet de Courteille.* Paris, 1861–1877. Т. I–IX (далее: *Maçoudi*).

тов» (=«драгоценностей»)⁴. Ныне предложено более литературное название «Золотые копи и россыпи самоцветов»⁵. Другой труд назывался «Книга предупреждения и пересмотра»⁶ (иногда ее переводят как «Книга указания и пересмотра»⁷ или «Книга указания и наблюдения»⁸). Сам ал-Мас‘уди насчитывал 36 своих книг, и большая часть их утрачена, по-видимому, безвозвратно. Здесь мы не будем останавливаться на проблеме принадлежности ал-Мас‘уди сохранившихся фрагментов книги «Ахбар аз-заман»; по этому поводу у исследователей нет единого мнения.

Данные ал-Мас‘уди о географии, исторической этнографии, истории Евразии настолько поразили Д’Оссона, — а он одним из первых привел эти материалы, что он назвал ал-Мас‘уди «арабским Геродотом», сравнив его, таким образом, с античным отцом истории⁹. Бельгийский ученый А. Сартон в 20-х гг. XX в. в своем «Введении в историю науки» назвал ал-Мас‘уди «мусульманским Плинием», сравнив его со знаменитым римским ученым I в. н.э. Плинием Старшим¹⁰. Английский арабист Х.А.Р. Гибб писал о книге ал-Мас‘уди «Золотые копи и россыпи самоцветов», что нет более замечательного произведения на арабском языке¹¹, а И. Крамерс, востоковед и знаток арабской средневековой географии, отмечал, что наш автор — «один из самых оригинальных писателей X в.»¹². О таких высоких оценках деятельности ал-Мас‘уди недавно напомнил исследователь его творчества Д.В. Микульский¹³.

Были, однако, и другие оценки деятельности арабского ученого: как несерьезного, близкого к «современному газетному писа-

⁴ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. С. 172.

⁵ Микульский Д.В. «Золотые копи...» ал-Мас‘уди и их место в арабской словесности // Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусейн ибн ‘Али ал- Мас‘уди. Золотые копи и россыпи самоцветов. [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] Сост., пер. с арабского, примеч., коммент. и указ. Д.В. Микульского. М., 2002. С. 37.

⁶ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 172.

⁷ Гибб Х.А.Р. Арабская литература. Классический период. М., 1960. С. 59.

⁸ Микульский Д.В. «Золотые копи...». С. 6–7.

⁹ Des peuples du Caucase. P. V.

¹⁰ Sarton G. Introduction to the History of Science. From Homer to Omar Khayyam. Baltimore, 1927. Vol. I. P. 638.

¹¹ Гибб Х.А.Р. Арабская литература. С. 59.

¹² Kramers J.H. Djughrafiya // Enzyklopaedie des Islam. Ergänzungsband. Lief. 5. Leiden; Leipzig, 1938. S. 67.

¹³ Микульский Д.В. «Золотые копи...». С. 36, 40.

тельству, не относящемуся к настоящему знанию»¹⁴. Такое отношение к работам ал-Мас‘уди было оценено И.Ю. Крачковским как «чрезмерная модернизация»¹⁵. Другие исследователи считали, что творчество ученого близко ‘*адабу*, т.е. развлекательному жанру¹⁶. Наконец, указывали на особый беллетризованный, занимательный характер сочинений ал-Мас‘уди, при этом относящийся к жанру исторических хроник¹⁷.

Дата рождения ал-Мас‘уди точно не установлена, условно исследователями принимается 896 г., год же смерти известен — 956. Род ал-Мас‘уди происходил от сподвижника пророка Мухаммада ‘Абдаллаха ибн Мас‘уда, на что и указывает его прозвание (*нисба*). Видимо, по принадлежности к столь уважаемому роду, как и к слою образованного мусульманина, писателя, ал-Мас‘уди относился к категории *хасса*, т.е. избранным, элите¹⁸. Родившись в Багдаде, в тогдашней столице мусульманского мира, ал-Мас‘уди много путешествовал по свету. Он бывал в Иране, Индии, Восточной Африке, Аравии, на юго-западном побережье Каспия, в Сирии, Египте, Палестине¹⁹. На местах ал-Мас‘уди собирал разнообразные сведения о народах и землях. Его интересовала история, образ жизни, верования как тех народов, на территории которых он оказался, так и окружающих, и более отдаленных. Он пользовался не только расспросными сведениями, но и литературными.

Категория времени в исторических сюжетах книг ал-Мас‘уди была для автора понятием отнюдь не философским, но практически необходимым. В «Книге предупреждения и пересмотра», обращаясь к отсчету времени, он писал: «Нет такого народа, как среди повиновения закону религии, так и среди иных, древних и поздней-

¹⁴ *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien den Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. XXXV.

¹⁵ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 171.

¹⁶ *Pella Ch.* Al-Mas‘udi // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Leiden; L., 1984. Vol. VI. P. 784.

¹⁷ *Микульский Д.В.* «Золотые копии...». С. 34–35; *Он же.* Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас‘уди «Золотые копии и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар»). X век. М., 2006. С. 33–41.

¹⁸ *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. L., 1979. P. 1–29; *Микульский Д.В.* «Золотые копии...». С. 19.

¹⁹ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 171–172; *Shboul Ahmad M.H.* Al-Mas‘udi and his World. P. 1–27; *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998.

ших, который не имел бы своего летоисчисления, не возвращался бы к нему и не пользовался бы им как опорой в большинстве своих дел. [Счет лет] воспринимал потомок от предка, и остающийся в живых — от уходящего [в мир иной]. Ведь благодаря летоисчислению познаются великие события и важные дела, то, что происходило в минувшие времена и в прошлые века»²⁰. Ал-Мас‘уди отметил подсчет эпох у древних народов «по важнейшим событиям, большим изменениям и правлениям великих царей», а также счета эр по всемирному потоку и по времени «смещения языков в Вавилоне»²¹. Ученый рассказывал, как велся счет времени у персов-огнепоклонников, древних греков и римлян, коптов, израильтян; христиан, индийцев, китайцев, арабов, а также о продолжительности существования Земли²².

Перечислив своих предшественников, писавших о прошлых временах (ас-Серахси, ал-Джайхани, Ибн Хордадбеха и других), ал-Мас‘уди отмечал: «Хотя наша эпоха — поздняя в сравнении с той, к которой принадлежат предшествующие авторы, и наши дни удалены от их времен, мы все же надеемся, что не окажемся позади в сравнении с ними при [создании] сочинения, задуманного нами, и в достижении поставленной цели. Если они обладают первенством в начинании, то за нами то преимущество, что мы следуем [за ними]. Мысли могут сходиться, и идеи совпадают, и часто последующий [автор] лучше составляет свои сочинения, и излагает яснее: ведь его делает мудрее опыт, он опасается проверки и остерегается допустить ошибку. Отсюда происходит непрерывное развитие наук, не имеющее границы; последующий отыскивает то, чего не находил первый, и это не имеет ни ограничивающего предела, ни [какой-либо] установленной цели. Аллах великий и могучий возвестил об этом, сказав: “Ведь выше всякого обладающего знанием есть знающий”. Однако многим людям свойственно восхваление древних и прославление книг предшественников, они превозносят прошедшее и порицают существующее ныне, хотя в книгах новейших [авторов] много больше полезного и немало поучительного»²³.

²⁰ Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masûdi... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 196 (далее: *al-Masûdi*). Все переводы из этого труда в статье принадлежат покойному проф. В.М. Бейлису, с уточнениями и небольшими исправлениями автора статьи, не меняющими смысла фраз.

²¹ *al-Masûdi*. P. 197; *Maçoudi*. T. IV. P. 100–114.

²² *al-Masûdi*. P. 196–228; *Maçoudi*. T. I. P. 183–207.

²³ *al-Masûdi*. P. 76.

Эта позиция была свойственна не только ученым-прозаикам. Она напоминает подход к временным дистанциям арабского филолога IX в. Ибн Кутайбы, который писал относительно выбора поэтов: «[я] не смотрел на древнего среди них почтительным взором за его древность, а на позднего — пренебрежительным взором за то, что он поздний, напротив, я смотрел беспристрастно на обе группы, и дал каждому его долю, и воздал каждому должное... Однако же Аллах не отдал науку, поэзию и красноречие одному времени из всех времен и не наделил им один народ из всех народов, но Он сделал это общим и разделил между своими рабами во всякий век, и Он сделал всякого древнего новым в его эпоху и всякую знатность — происходящей из самородности...»²⁴. Подобных взглядов зачастую придерживались и другие писатели и поэты средневековья. Они не следовали той концепции, что древность важнее или лучше современности. Эта позиция объясняется общей принципиальной относительностью всякого временного превосходства: ученые как бы «снимали» временной барьер между разными поколениями авторов, что в целом характерно для традиционалистского сознания средневековых мыслителей²⁵.

Исходя из такого постулата, ал-Мас'уди ведет рассказы о давних временах так, чтобы повествование плавно переходило от древних эпох к современным ему событиям, ссылаясь на мнения других ученых или полемизируя с ними.

В «Книге предупреждения и пересмотра» находится «Рассказ о семи народах прежних времен, их языках, их воззрениях, о местах их расселения, о том, чем отличается каждый народ от других и [прочем], относящемся к этому». Этот пассаж не имеет аналога в более ранней книге, «Золотые копи и россыпи самоцветов»; сам же автор упоминает, что в своих предшествующих произведениях он подробно говорил об этих народах. В главе о семи народах ал-Мас'уди отмечает, что «те, кто занимался историей народов прошлого и местами их расселения, утверждает, что в древние времена было семь народов, могущественных и славных, и что они отличались [друг от друга] по трем свойствам: по чертам внешности, особенностям нравов и по их языкам»²⁶. Востоковед В.М. Бейлис отме-

²⁴ Цит. по: Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003. С. 192.

²⁵ Куделин А.Б. Арабская литература. С. 188–198.

²⁶ *al-Masûdi*. P. 77–78.

чал, что эту главу можно считать «первой в арабской исторической литературе попыткой обзора великих цивилизаций древности»²⁷.

После упоминания каждого народа ал-Мас'уди акцентирует внимание на том, что у этой общности людей некогда был один владыка и один язык, хотя при этом он отмечал существование наречий в персидских языках, различий среди тех, кто пользовался сирийском языком, отличие хазарского языка от тюркских. Сирийский язык, как считал ал-Мас'уди, был первым языком, на котором изъяснялись Адам и Ева; он считал еврейский и арабский языки «ближайшими» к сирийскому и подчеркивал, что разница между ними невелика.

Первым народом им названы персы (*ал-фурс*), указан географический ареал их проживания, но об их истории в этой главе сказано совсем мало.

Вторыми упомянуты халдеи (*ал-калданйун*). Отмечено, что имя халдеев было упомянуто в Библии и у древнегреческих авторитетов: Аристотеля и Птолемея. Среди халдеев названы ниневийцы, ассирийцы, набатеи и другие народы. Некоторые этнонимы объяснены: так, имя набатеев якобы восходит к некоему Набиту ибн Басура ибн Сама ибн Нуху, т.е. к потомку Ноя. Кораническая традиция, как считает ал-Мас'уди, связывает название «арамеи» с названием народа *араман*, которое якобы приняло это имя после гибели народа *самуд*, наказанного Аллахом за неверие. При этом ал-Мас'уди ссылается на Ибн ал-Калби и «прочих ученых арабов». Халдеи восприняты также и как предки арабов, чему в этой главе уделено более всего внимания. Автор ссылается на йеменских «знатоков преданий» и собирателей генеалогий (*ансаб* и *ахбар*)²⁸. При изложении истории халдеев и связанных с ними племен ал-Мас'уди отмечает древнюю преемственную линию развития людских общностей Ирака, Сирии, Палестины, Аравии.

Третьим народом названы древние греки (*ал-йунанийун*), византийцы (*ар-рум*), славяне (*ас-сакалиба*), франки (*ал-ифранджа*) и «те, кто соседят с ними в северной населенной четверти Земли под названием *ал-Джарби*». Здесь также отмечено наличие единого владыки и одного языка.

²⁷ Бейлис В.М. Представления о цивилизации древности и раннего средневековья в системе исторических знаний ал-Йакуби и ал-Масуди // Ислам и проблемы межкультурных взаимодействий. М., 1994. С. 50.

²⁸ Об использовании информации «собирателей преданий» см.: Миккульский Д.В. Арабо-мусульманская культура. С. 89–91.

Четвертые — это ливийцы (*лубиййа*); здесь перечислено население Северной Африки, в том числе египтяне, а также обитатели южной части населенной четверти Земли. У всех их некогда тоже имелись, как считал наш автор, один владыка и один язык.

Пятый народ — тюрки (*ат-турк*). Перечислены их виды (карлуки, огузы, кимаки, токузогузы, хазары). О хазарах сказано, что по-тюркски этот народ называется *сабир*, а по-персидски — *хазаран*; имя же этого народа, по словам ал-Мас'уди, было арабизировано и стало *ал-хазар*. Среди тюрков тоже зарегистрировано наличие одного владыки и единого языка, за исключением языка тех же хазар, который не считался тюркским, хотя сами хазары отнесены ученым к оседлым тюркам.

Шестым народом названы разные виды индийцев и синдийцев.

Седьмым — китайцы (*ас-Син*) и корейцы (*ас-Силла*); они выделены как потомки 'Амура, сына Ноя, сына Яфета, т.е. персонажа, восходящего к Гомеру и Яфету. Однако это не означает, что именно эти народы выделяются как самые древние. Как и в других случаях, отмечен их единый властитель и единый язык.

Формула «царь у них один, и язык их единый» в тексте ал-Мас'уди относится к сакральному, мифологическому времени²⁹. Автором показан переход от времени мифологического, когда у народов был один царь и один язык, к языческому: «Затем умножилось потомство, поколения сменяли друг друга, разделились народы и племена, стали различаться языки... Народы уподоблялись один другому и видоизменялись, различаясь по воззрениям и в том, чему они поклонялись, по местам, где они обитали и где совершали обряды. И эти семь народов стали отличаться один от другого: у каждого был свой царь. Все они были идолопоклонниками: каждый народ почитал идола и создавал изображение божества, отличавшегося от божеств, изображениям которых поклонялись другие народы»³⁰. Ал-Мас'уди не проявляет эмоционального подхода к эре почитания идолов как худшей по сравнению с эпохой почитания единого Бога. Вместо этого он объясняет причину существования языческого времени: «Эти [языческие] изображения воздвигались как воплощение высших субстанций и небесных тел, являющихся ликами сфер семи [светил]: двух, т.е. Солнца и Луны, и пяти: Сатурна, Юпитера, Марса, Венеры и Меркурия, и прочих тел, обла-

²⁹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 119, 156.

³⁰ *al-Mas'udi*. P. 84.

дающих влиянием на этот земной мир»³¹. К той же фазе языческого периода относится утверждение нашего автора, что обсуждения религиозных или политических смут решались семью мудрецами, которые собирались семь раз, в разные эпохи³². Сакральное число 7 здесь подчеркивает языческую эпоху. Ал-Мас‘уди сам отмечал сакральный смысл числа 7, когда писал, со ссылкой на Гиппократ: «Все в этом мире устроено по “семерке”: звезд — 7, климатов — 7, дней [недели] — 7»³³.

В рассматриваемой главе «Книги предупреждения и пересмотра» ал-Мас‘уди не упоминает о прошлых временах третьего, четвертого, пятого, шестого и седьмого народов. История всех этих древних народов освещена как в труде «Золотые копи и россыпи самоцветов», так и в «Книге предупреждения и пересмотра».

Первыми, как уже говорилось, выделены персы. Из числа персидских источников (вероятно, в арабских переводах) ал-Мас‘уди назвал Хвадай-намак, Китаб ас-Сакисаран, Китаб ал-Бикар, Китаб ал-Карнамадж и другие. Из арабских источников, рассказывавших о персидской истории, ал-Мас‘уди использовал сведения Мухаммада ал-Калби, Абу ‘Убайда Ма‘мара ибн ал-Мунтанна, Ибн Хордадбеха, ат-Табари и других.

История персов начинается с упоминания легендарного первочеловека иранской мифологии и героя эпической традиции Джайумарта и завершается последним царем Сасанидского Ирана Йездигердом III (632–651)³⁴. Повествуя о первой династии персидских царей, ал-Мас‘уди пересказывает иранский эпос, подробно изложенный позднее в «Шах-намэ» Фирдоуси, о легендарных правителях Джаме (Джамшиде), Хушанге, Заххаке — воплощении зла, и Афризуне (Феридуне) — носителе добра, победившем Заххака. Вторая династия персидских царей, упоминаемая ал-Мас‘уди, также взята из иранской мифологии и известна из «Шах-намэ»: царь Манушахр и его потомки восходят к мифической династии Пишдадидов, потомкам Афризуна, в свою очередь являвшегося потомком Ираджа — одного из трех братьев, между которыми Бог разделил Землю. Последним царем этой династии назван Гаршасп, упомянутый и в «Шах-намэ». Третья династия персидских владык также

³¹ Ibidem.

³² Ibidem. P. 84–85.

³³ *Maçoudî*. T. I. P. 182.

³⁴ *al-Masûdî*. P. 85–111; *Maçoudî*. T. I. P. 161–214; T. II. P. 105–241.

связана с эпосом и в основном совпадает с данными «Шах-намэ». Речь идет о династии Кайанидов, состоящей из царей Кай-Кубаза, Кай-Кауса, Кай-Хусрау, Кай-Лухрасба и Кай-Биштасба. Кроме информации о династии царей легендарных, здесь рассказано о событиях реальных: появлении Зороастра (араб. *Зардушт*), религии огнепоклонников (*ал-маджус* — «магов») и священной книге Авесте (*ал-Абаст* или *ал-Абастак*). Упомянуто также имя Александра Македонского, который завладел царством персов и убил Дару ибн Дару, т.е. последнего царя Ахеменидов Дария III Комодана (336–330 гг. до н. э.), войска которого были разбиты при Арбеле в 331 г. до н. э. Четвертая династия персидских царей обозначена словосочетанием *мулук ат-таваиф*, которое переводится и как «удельные князья», и как «диадохи»; точное же значение: «владыки уделов». Здесь речь идет об эпохе после смерти Александра Македонского: о «ста царях персов, набатеев и арабов», которые царствовали «от границ областей Ассирии до крайних пределов стран чужеземцев» (*аджам*: термин обозначал у арабов неисламские народы). Ал-Мас'уди упоминает, что самыми могущественными из них были *ал-Ашгани*, т.е. Аршакиды, парфянская династия, и перечисляет их царей, причем приводимые имена не всегда соответствуют реальным властителям. Пятая династия персидских владык посвящена Сасанидам, здесь имена, время царствования и события указаны достаточно точно; упомянут Маздак-«еретик» и изложено его учение. Ал-Мас'уди специально отмечает, что он пользовался некоей «огромной книгой», переведенной с персидского на арабский язык, где подробно перечислялись персидские цари, были нарисованы их портреты, рассказано об искусстве их правления, постройках и т.п.

Как видно, ал-Мас'уди в рассказе о персидских владыках ведет повествование от времен мифических до реальных, не выделяя их специально. При этом он утверждает, что использовал только персидские источники и избегал привлекать сообщения греческих, византийских и еврейских (*ал-исра'или*) авторов.

В «Золотых копиях» истории людей, названных в главе о семи древних народах халдеями, отведены части: «О царях Мосула и Ниневии, или ассирийцев», «О царях сирийцев» и «О царях вавилонян и халдеев»³⁵. Халдеями некогда называлось население Южной Месопотамии, жившее в первой половине I тысячелетия до н.э. на северо-западном берегу Персидского залива. Принадлежали они к арамейским

³⁵ *Maçoudi*. Т. I. P. 155–165, 167–214.

племенам. После прихода к власти в Вавилоне халдейской династии (626–538 гг. до н. э.) это название распространилось на всех жителей Вавилона. Ал-Мас‘уди почерпнул сведения о них из неких «древних хроник» и астрономических таблиц. Исследователи считают, что им были привлечены христианские и сирийские хроники³⁶. Большую часть имен перечисленных царей идентифицировать не удастся. Часть же относится к династии Ахеменидов, а не Вавилона или Ассирии.

О самих халдеях ал-Мас‘уди писал как о древнем народе, научившем человечество добывать медь и железо, строить города и дороги, развивать земледелие, наблюдать за небесными светилами. Имеется описание развалин столицы Ассирии в его времена. В целом изложение истории народов и царей Ассирии и Вавилона подчинено движению от древних времен до настоящих, хотя здесь большее внимание уделено цивилизациям древности.

Об истории древних греков, римлян, византийцев ученый получил сведения от воина и дипломата Абу ‘Умайра ат-Тамими, известного морского военачальника Льва Триполитанина, византийца, принявшего ислам и воевавшего на стороне мусульман. Пользовался он и книгами предшественников: Ибн Хордадбеха, Кудама ибн Джа‘фара, несохранившейся книгой выкупленного византийского пленника Муслима ал-Джарми, писавшего о Византии и окружающих народах. Ал-Мас‘уди использовал также хронику александрийского монаха V в. Анниана, произведения христианских ученых, писавших по-арабски, православных иерархов Евтихия Александрийского, Агапия Манбиджского, несторианского писца Йа‘куба ибн Закарии, яковитского священника Абу Закарии Данха, маронитского ученого Кайса ал-Маруни³⁷.

Ал-Мас‘уди считал Византию наследницей древнего Рима. Историю царей этих государств он начинал с Ромула (*Румулуса*) и Рэма (*Армануса*), сыновей волчицы, основавших город Рим (*Румийу*), по названию которого население государств именовалось «румийцами» (*ар-румийа*). Кроме этих двух царей, как писал ал-Мас‘уди, были и другие властители, но первым, кто числился в некоей «древней летописи», был Гай Юлий Цезарь. Подробно и в основном правильно ал-Мас‘уди перечислил всех римских и византийских императоров вплоть до своего времени, 345 г. хиджры, т.е. 956 г. н.э., до времени властвования халифа ал-Мути, начавшего править в 946 г.

³⁶ *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. P. 120–121.

³⁷ *Ibidem.* P. 229–242; *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. С. 174–176.

В истории государства *ар-Рум* ал-Мас'уди выделял три периода: первый — правление языческих императоров от Ромула до Диоклетиана (284–305 гг.); второй период — царствование христианских императоров, начиная с основателя Константинополя Константина (306–337 гг.), который принял христианство; третий этап посвящен истории Византии после возникновения ислама.

«Рассказ о греческих царях и о том, сколько лет они царствовали» ал-Мас'уди начинает с Филиппа, отца Александра Македонского, и заканчивает повествованием о царице Клеопатре; далее следуют рассказы о римских царях — от Юлия Цезаря до Константина Багрянородного, причем подчеркнуто, что в книге речь идет как о язычниках, так и о принявших христианство. При этом дан подсчет количества владык-язычников и общее количество лет их правления, и то же проделано в отношении царей-христиан, начиная с Константина Великого³⁸. В особую главу выделены сведения о царях Рума от возникновения ислама до X в.; тем самым подчеркнута роль Византии. Как было неоднократно отмечено исследователями, таким способом ал-Мас'уди показывал преемственность истории древнегреческой, римской и византийской³⁹.

История византийских правителей связывается ал-Мас'уди с арабо-византийскими войнами, происходившими в сравнительно недавний и современный ал-Мас'уди периоды времени. В ряде случаев ал-Мас'уди сопоставляет времена правления византийских царей и сасанидских владык, при этом специально отмечая достоверность и путаницу относительно дат и времени царствований тех или иных правителей в разных источниках и оговаривая достоверность своих сведений. Таким образом, и здесь отмечена связь времен языческих и «исторических».

В «Книге предупреждения и пересмотра» мало места уделено истории франков и славян. Но в «Золотых копиях» есть сведения о франках, галисийцах и лангобардах⁴⁰, основанные на данных западных информаторов и источников⁴¹. Одну из книг ученый видел в 947 г., когда жил в Египте. Ал-Мас'уди перечисляет королей фран-

³⁸ *Maçoudi*. Т. I. Ch. 25–30; Т. II. P. 250–355; *al-Masûdi*. P. 112–177.

³⁹ *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. P. 261–262; *Бейлис В.М.* Представления о цивилизации. С. 46; *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. С. 181.

⁴⁰ *Maçoudi*. Les Prairies d'or. Т. I. P. 359–360, 363; Т. III. P. 66–78.

⁴¹ *Lewis B.* The Muslim Discovery of Europe // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1957. Vol. 20. P. 410; *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. P. 190–192.

ков от Хлодвига (*Клудувих*) (481–511) до Людовика IV (936–954); впервые в арабской литературе упоминает столицу франков — Париж (*Бариза*). В этой же книге есть известия о славянах; к ним наш автор причисляет венгров и немцев⁴².

Упомянут общий для единого славянского племени *в.линана* царь по имени *М.джак*, после смерти которого славянские народы разделились и каждым стал править свой владыка. По поводу идентификации этого имени имеются самые разные версии: польский король Мешко I; древлянский князь Мал; посол антов Мезамер, убитый в ставке аварского кагана; библейский Мешех; титул правителя сообщества неких славян, названный у Феофилакта Симокатты «Мужок» (μουσοῦκα); Карл Великий, имя которого искажено до неузнаваемости, либо это — его эпитет, трансформированный из латинского *Magnus*, либо его славянское прозвище *Мужик*⁴³. Как бы ни интерпретировать это имя, не исключено, что ал-Мас'уди воплотил здесь идею существования единого царя и одного языка народа *в.линана* в мифологические времена. Хотя указание конкретного имени царя и названия народа могут и свидетельствовать о существовании информатора, который поставил ал-Мас'уди вполне реальные данные.

Имя *в.линана* имеет множество идентификаций: воляняне, причем разные; жители Волина; *валитаба* — нем. *велетаби*, т.е. лютичи; венеты⁴⁴. В другом фрагменте ал-Мас'уди дает пере-

⁴² *Maçoudi*. Т. I. P. 253–254; Т. III. P. 61–65; *al-Masûdi*. P. 67.

⁴³ *Charmoy M.* Relation de Mas'oudi et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Paris, 1832–1833. P. 94–95; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 147; *Westberg F.* Ibrahim's ibn Jakub's Reisebericht über die Slavenländer aus dem Jahre 965 // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1898. Сер. 8. Е. 73. № 4. С. 58. Примеч. 2; *Widajewich J.* Masudi o Wioletach // Pamiętnik Słowiański. Kraków, 1949. Т. I. S. 55–82; *Lewicki T.* Jeszcze o Wioletach w opisie Słowiańszczyzny arabskiego pisarza z X w. al-Masudi // Pamiętnik Słowiański. Kraków, 1951. Т. II. S. 113–116; *Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских народов. М., 1973. С. 70, 71, 76; *Овчинников О.* Народы Центральной Европы за книгою ал-Масуди (до питання про «державу волянян») // Східний Світ. Київ, Т. 2'95–1'96. С. 77–81; *Мишин Д.Е.* Ас-Сакалиба (славяне) в исламском мире. М., 2002. С. 67–68. (Все предположения достаточно шатки, только гипотеза А. Овчинникова не выдерживает никакой критики, т.к. само слово «мужик» появилось в славянском языке значительно позже X в.)

⁴⁴ *Charmoy M.* Relation de Mas'oudy. P. 94–95; *Westberg F.* Ibrahim's ibn Jakub's Reisebericht. С. 47–49; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 12, 84; *Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи. С. 70, 76–77; *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. P. 182; *Мишин Д.Е.* Сакалиба. С. 66–67.

чень названий славянских племен, причем в славянской передаче, большая часть которых более или менее идентифицируется: ободриты с князем Мстиславичем (?), дулебы с правителем Венцеславом (921–929), моравы или мораване, сорбы, хорваты, стодоране, майнские славяне, возможно, кашубы или дошане и ряд других племен, идентификация которых затруднительна⁴⁵. В число славянских племен ал-Мас‘уди включил также немцев и саксов (*ан-намджин и шакшин*). В другом разделе рассказано о трех правителях славян: Лудийар, ал-Авандж (вариант — ал-Ифрандж) и царь тюрок (*малик ат-турк*), хотя и идентификация имен, и сама принадлежность к славянам вызывает до сих пор у исследователей споры⁴⁶. Заметно, что ал-Мас‘уди и здесь следует принципу плавного перехода от времен более или менее мифологических к недавним, реальным.

Сведений об одном из семи древних народов *лубийа*, т.е. именно о ливийцах, у ал-Мас‘уди почти нет. Но в это понятие входили египтяне, жители Магриба и Африки. Известий же о Египте, его памятниках и людях, о народах *ал-хабаша*, т.е. абиссинцах (современных эфиопах), нубийцах, зинджах и других народах Африки у него довольно много в обеих книгах, как и описаний моря *Хабаша* и моря *Зиндж* — западной части Индийского океана⁴⁷. Рассказ ал-Мас‘уди о прародителе населения Египта потомке Ноя Байсаре, его сыне — правителе Египта Мисре, по имени которого и названа страна (по-арабски, Египет — *Миср*) и последующих царях-фараонах носит легендарный характер. Но упоминания о царях нубийцев, зинджей и других народов Африки вполне достоверны. Есть известия и об обычаях и законах, особо уделяется внимание фауне тех мест (рассказывается о слонах, жирафах, о скоте, которым пользуются африканские народы) и флоре; много места уделено описанию Нила. Таким образом, в повествованиях о народах Африки ал-Мас‘уди не всегда придерживается того принципа единства правления и языков в древние времена, который был высказан им в главе «О семи народах в прежние времена».

⁴⁵ Ковалевский А.П. Славяне и их соседи. С. 70, 72–75; *Shboul Ahmad M.H. Al-Masudi and his World*. P. 183–184; *Мишин Д.Е.* Сакалиба. С. 63–65.

⁴⁶ Ковалевский А.П. Славяне и их соседи. С. 71, 75–76; *Shboul Ahmad M.H. Al-Masudi and his World*. P. 184–185; *Мишин Д.Е.* Сакалиба. С. 68–72.

⁴⁷ *Maçoudi*. T. I. P. 206, 231–234, 237–238, 368, 382–384; T. III. P. 2–3, 6–8, 27, 30–35, 37–44, 51; *al-Masûdi*. P. 19, 24, 32, 51, 57–58, 69–70, 80, 90, 157, 223–224, 226, 329–330.

В сохранившихся книгах нашего автора нет единого рассказа о тюрках, хотя упоминания о них есть⁴⁸. Ал-Мас'уди располагал данными о тюрках как из книг, так и из непосредственных наблюдений и расспросов. Помимо уже упомянутого перечисления видов тюрков, учёный передает сведения о тюрках как потомках легендарного персидского царя и героя Афридуна, точнее, его сына Туджа, который владел восточной частью обитаемого мира. По версии же, восходящей к библейской, тюрки были потомками одного из сыновей Яфета, владевшего областями Севера. Поскольку Север отличался холодом и сыростью, то его обитатели — тюрки, по мнению ал-Мас'уди, были толстокожими, краснолицыми, имели маленькие узкие глаза. Расположение тюрков далеко от Солнца также неблагоприятно сказалось на их культурном облике: они оказались последними в ряду «цивилизованных» народов. Верховным владыкой их некогда был *хакан*, но во времена ал-Мас'уди тюрки, по его словам, уже были не единым народом, а разделились на много ответвлений, расположившихся на обширной территории от Европы до Китая, со своим хаканом у каждого. Ученый знал тюрков вблизи Аральского моря (*бахр ал-Джурджани*), среди которых выделялись силой и воинственностью огузы, самые маленькие ростом и самые узкоглазые. Ал-Мас'уди располагал сведениями о войнах у Арала разных племен тюрков, в результате которых печенеги (*баджнак* и *баджни*) и предки венгров (*баджгард* и *нукарда*) передвинулись на запад, дошли до пределов Византии и осели на ее северных границах, а часть их стала служить в византийских военных гарнизонах и участвовать в войнах, которые вела Византия.

Таким образом, в рассказах о тюрках, хотя и не сведенных воедино, ал-Мас'уди достаточно последовательно придерживается теории древнего единого народа, единого правителя и единого языка, за некоторыми исключениями (о языке хазар см. выше).

При изложении сведений об Индии, ал-Мас'уди пользовался как трудами предшественников, где имелись соответствующие сведения (ал-Хасана ибн Мусы ан-Наубахти, Абу-л-Касима ал-Балхи, ал-Йа'куби, Ибн Хордадбеха и др.), так и собственными наблюдениями и результатами расспросов во время поездки по Индии⁴⁹.

Рассказывая об индийцах (*ал-Хинд* — Индия, *ас-Синд* — у арабов северо-западная территория Индии, современный Пакистан),

⁴⁸ *Maçoudi*. Т. I. P. 262, 289; Т. II. P. 9, 59; *al-Masûdi*. P. 37.

⁴⁹ *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. С. 149–150.

ал-Мас'уди отмечает, что именно они первыми разработали такие науки, как астрономия и астрология. Автор пишет об истории индийцев, что в древние времена у них не было верховного владыки, затем родовитые люди избрали царя *Бархаму* (вероятно, Брахму, индуистское верховное божество), который был наимудрейшим и справедливейшим правителем, а далее стали править *ал-барахима*, т.е. брахманы, отличавшиеся от прочих желтыми повязками. Отметив таким образом систему кастового деления индийского общества, ученый полагал ее весьма разумной, основанной к тому же на иерархическом строе самой Вселенной⁵⁰. Ал-Мас'уди рассказал и о современных ему государствах на территории Хинда и Синда, и о городах, где ему удалось побывать, и о внешнем облике индийцев, и об обычае сожжения мертвых, и о реке Инд — ее истоке и устье. Он особо подчеркивал мудрость и разумность индийских правителей и ученых.

В целом, в изложении впечатлений и знаний об Индии можно выделить принцип единого правления в древние времена, упомянутого в главе о семи древних народах. Однако если в ней отмечалось единство языков в древности, то в «Золотых копиях» преподнесено действительное положение дел, а именно, что язык жителей Синда отличается от других языков, на которых говорили обитатели Хинда.

В Китае ал-Мас'уди не был, а сведения о нем взял из труда Абу Зайда ас-Сирафи «Цепочка историй». Китайцы, по мнению ученого, выделялись как торговцы и ремесленники, а правители их установили мудрые и справедливые законы в своей стране. Возводя родословную китайцев к Абуру, потомку Яфета, ал-Мас'уди подчеркивал, что в прежние времена Китай был единым царством, в котором правили справедливые владыки. Они поклонялись звездам и предкам, установили в обществе иерархическое разделение и правили мудро и справедливо, хотя были язычниками. Однако процветание Китая было неспроста: по мнению ал-Мас'уди, один из китайских царей был тайно предан исламу (эта история рассказывалась среди арабов не только ал-Мас'уди). Поведав о древней истории Китая, ученый отметил, что процветание империи продолжалось вплоть до восстания Хуан Чао 874–884 гг., после этого в стране началась смута⁵¹. Таким образом, в изложении истории Китая легко выделяются периоды легендарные и реальные.

⁵⁰ *Maçoudi*. Т. I. P. 148–177, 206–208, 372–381; Т. IV. P. 44–45.

⁵¹ *Ibidem* Т. I. P. 286–287, 290–324; Т. IV. P. 52–54.

Как можно заметить, когда ал-Мас‘уди пересказывает информацию о легендарных временах и героях, то он по существу не задается вопросом об их подлинности. Как всякий средневековый, а тем паче восточный, мыслитель, он тем самым следует авторитету, канону или клише, которые лежат в основе его информации по принципу «эстетики тождества». Ю.М. Лотман так определял это понятие: «Эстетика тождества — сумма принципов, которая основывается на полном отождествлении изображаемых явлений с уже известными аудитории и вошедшими в систему “правил” моделями-штампами»⁵². Применение системы «эстетики тождества» в разных литературах разрабатывали затем другие исследователи⁵³. А.Б. Куделин, однако, вслед за П. Зюмтором, обратил внимание на «идею эволюции средневековой традиции, обусловленную индивидуально-авторской инициативой и “движением истории”»⁵⁴. Именно по такому принципу в вопросах, например, подлинности времени царствования того или иного правителя ал-Мас‘уди и приводит разные мнения, и оспаривает предшественников.

Можно констатировать, что ал-Мас‘уди, в рассказе о семи народах, отчетливо обрисовал пределы их культурного универсума, включив в перечень древних такие, о которых ни в каких генеалогиях и древних книгах не могло быть и речи — славян, франков, тюрок. Следовательно, для нашего автора время — линейно и непрерывно; оно включает в себя периоды мифологические, языческие и реальные на одном уровне. Как писал М.М. Бахтин, средневековому мыслителю, «чтобы понять мир, нужно сопоставить все в одном времени, т.е. в разрезе одного момента, нужно видеть весь мир как одновременный»⁵⁵.

В такой среде, где эпохи существуют как бы одновременно, не разделяясь по качественным категориям (лучшие или худшие времена), тем не менее выделяются народы, лучшие по пространственно-

⁵² Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1 // Труды по знаковым системам. 1. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1964. Вып. 160. С. 173.

⁵³ Рифтин Б.Л. Метод в средневековой литературе Востока // Вопр. лит. 1969. № 6. С. 76, 79; *Он же*. Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. С. 32, 37; Мейлах М.Б. К вопросу о поэтике средневековой литературы. Поэзия трубадуров // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1970. Т. 29. Вып. 4. С. 297. «Эстетикой привычного» назвала эту особенность арабской литературы Б.Я. Шидфар: *Шидфар Б.Я.* Образная система арабской классической литературы. М., 1974. С. 180.

⁵⁴ Куделин А.Б. Арабская литература. С. 205.

⁵⁵ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 307.

му расположению на Земле, по разумению не только ал-Мас'уди, но и других арабских средневековых ученых. Переход от временного восприятия мира к пространственному происходит с помощью географических образов: пространственное восприятие мира включает в себя географический компонент, а пространственное представление об окружающем мире и являет собой географический образ⁵⁶.

Организуя известный мир как пространственный, ал-Мас'уди приводил перечень земель по климатам. Учение о семи климатах как выражение пространственного образа мира было воспринято арабами из греческих и сирийских переводов трудов Птолемея⁵⁷.

В античности одним из инструментов создания географического образа мира была система «климатов». Греческое слово *τό κλίμα* (мн.ч.: *τά κλίματα*) происходит от глагола *κλίνω* — «склонить(ся)», «наклонять(ся)» — и переводится как (1) «склон, скат, спуск»; (2) «страна света, климатический пояс»⁵⁸, причем последние значения вторичны, основаны на первом. Термин *κλίμα* иногда произносят по-русски как «клима́т», поскольку это греческое слово — среднего рода⁵⁹. Однако это наблюдение относится скорее не к произношению слова-термина, а к употреблению его в эпоху средневековья в отношении причерноморских областей — территории Херсона (античного Херсонеса) и окрестностей, а также подвластных Хазарии районов; эти земли назывались Климатами⁶⁰.

Однако географический смысл слова *κλίμα* отнюдь не тождествен приведенному названию. «Значение этого термина в сфере географии можно определить так: наблюдаемый в данной местности угол наклона небесной сферы, который можно точно выразить в числах, а также географическая широта, которую характеризует этот угол»⁶¹. Появление системы семи климатов связывают с именами Гиппарха и Эратосфена; после них теорию развивали Марин

⁵⁶ *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 14–23.

⁵⁷ *Honigmann E.* Die sieben Klimata und die *πόλεις ἐπίσημοι*. Heidelberg, 1929.

⁵⁸ Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. М., 1958. Т. I. 954–955.

⁵⁹ *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2. С. 1311. Примеч. 297.

⁶⁰ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1991. С. 281–283. Примеч. 14; С. 333. Примеч. 3; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Ч. 1. С. 572–581.

⁶¹ *Щеглов Д.А.* Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 244.

Тирский и Клавдий Птолемей⁶². Разделение было произведено в зависимости от сравнительной длины дня и ночи или склонения солнца к экватору. Птолемей первым дал строгое описание семи климатов — широт, следующих с интервалом в полчаса: Мероз, Сиена, Нижний Египет, Родос, Геллеспонт, середина Понта, устье Борисфена⁶³. Именно семь широт-климатов Птолемея, впервые отделенные от всех остальных возможных широт, были основой позднейшего «канонического статуса» этой системы⁶⁴.

Системой семи климатов (у арабов — *иклим*) как широтных зон, внутри которых располагались народы и местности, пользовались арабские географы IX в. ал-Хорезми (отсчет климатов шел с запада на восток) и ал-Фергани (отсчет климатов у него — с востока на запад). Положение *иклима* зависело от светового дня и склонения солнца к экватору. Схемы, принятой ал-Фергани, придерживались ученые X–XIII вв.: Ибн Русте, Ибн ал-Факих, Агапий Манбиджский, «Чистые братья», ал-Бируни, ал-Казвини и др., хотя сами описания климатов у них различны. Понятие *иклим* наиболее внятно было определено в географическом трактате «Чистых братьев» (так называлась культурно-религиозная община, действовавшая в X в. в Басре): «Климаты — [это] семь частей, начертанных в населенной части Земли. Каждый из климатов — как бы разостланный ковер, протянувшийся по длине с востока на запад, а по ширине с юга на север. Климаты различны по длине и ширине. Самый длинный и самый широкий — первый, так как длина его с востока на запад около 3000 фарсахов⁶⁵, а ширина с юга на север около 500 фарсахов. Наименьший же из них по длине и ширине седьмой климат, так как длина его с востока на запад около 500 фарсахов, а ширина его с юга на север около 700 фарсахов... Границы климатов определяются по [долготе] дня и различиям в прибавлении его»⁶⁶.

У иных географов (ал-Истахри, Ибн Хаукал) термином *иклим* называлась не широтная зона, а просто обширная область, округ или даже государство.

⁶² Honigmann E. Die sieben Klimata; Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. Berlin; Heidelberg; N.Y., 1975.

⁶³ Mēik H. Idrisi und Ptolemaeus // Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig, 1912. Bd. XV. S. 403–406; Щеглов Д.А. Система семи климатов. С. 248.

⁶⁴ Щеглов Д.А. Система семи климатов. С. 249.

⁶⁵ Фарсах — персидское слово *парасанг*: мера длины около 6 км.

⁶⁶ Калинина Т.М. Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районах // ДГ. 1982 г. М., 1984. С. 200.

Ал-Масуди тоже знал как термин *иклим*, так и систему семи климатов, при этом он считал, что климаты — это не что иное, как иранские *кешвары*. Система кешваров — это иранская традиция деления мира на области, где климаты выглядели как круги, один из которых находился посередине, а остальные шесть располагались вокруг и касались центрального и друг друга. Ал-Мас'уди так описал эту систему климатов: «Рассказ о семи климатах, о том, как они разделены, об их границах, о суждениях относительно их длины и ширины и [другом], что касается этого. Все то, что является обитаемой землей, подразделяется на семь частей, каждая из которых называется *иклим* (климат. — *Т.К.*). Разделение климатов обитаемой Земли Севера сделано так, что они расположены по окружности. В ее середине помещен четвертый климат, т.е. климат *Бабил* (Вавилон), а шесть [остальных] — по окружности вокруг него. Каждый климат имеет 700 фарсахов как в длину, так и в ширину. Первый климат — *ал-Хинд*, второй — *ал-Хиджас* и *ал-Хабаша* (Абиссиния, соврем. Эфиопия), третий — *Миср* (Египет) и *Ифрикия* (Тунис), четвертый — *Бабил* (Вавилон) и *ал-Ирак*, пятый — *ар-Рум*, шестой — *Йаджудж* и *Маджудж* (библейские народы Гог и Магог), седьмой — *Й.а.м.арис* (?) и *ас-Син*»⁶⁷.

В книге ал-Бируни «Вразумление начаткам науки о звездах» сохранилась подобная схема кешваров, хотя и несколько иная по расположению народов в ней⁶⁸:

⁶⁷ *al-Masūdi*. P. 32.

⁶⁸ Аль-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад. Книга вразумления начаткам науки о звездах // Абу-р-Райхан ал-Бируни. Избранные произведения. Ташкент, 1975. Т. VI. С. 113.

Однако есть у нашего автора описания климатов, которые как будто не соответствуют теории семи кешваров. В «Золотых копиях» ал-Мас‘уди так распределял земли: первый климат занимают Вавилон, Хорасан, Ахваз (провинция Халифата, соврем. Хузистан), Мосул (город в Северном Ираке), Джибал (горная область в Ираке, древняя Мидия); этот климат находится под знаком Овна и Стрельца, его планета же — Юпитер. Во втором климате находятся Синд, Хинд и Судан; его знак Зодиака — Козерог, планета — Сатурн. В третьем климате — Мекка, Медина, Йемен, Та‘иф (город в Аравии), Хиджаз и земли между ними; знак Зодиака этого климата — Скорпион, планета — Венера. Четвертый климат принадлежит Египту, Ифрикийе, территории берберов, Испании и прилегающим областям; знак Зодиака — Близнецы, планета — Меркурий. Пятый климат — Сирия, земли Рума, Джазира (Месопотамия); находится климат под знаком Водолея, планета же — Луна. В шестой климат входят территории тюрок, хазар, Дейлема и славян; знак Зодиака — Рак, планета — Марс. Седьмой климат — область *ад-Дайл* (?) и Китай; знак Зодиака — Весы, планета — Солнце⁶⁹. Он писал также, что «все города в климатах [находятся] на одной линии... и все климаты также [находятся] на [одной] прямой линии, такими я видел их на изображении [карты] ал-Ма‘муна и других картах»⁷⁰.

Не исключено, что подробное описание климатов в книгах ал-Мас‘уди соответствует карте, изготовленной для халифа ал-Ма‘муна, о которой наш автор упоминал неоднократно.

Таким образом, вероятнее всего, ученым были использованы разные источники при рассказах о семи климатах. Он и сам подтверждал это обстоятельство упоминанием о различных точках зрения предшествующих мудрецов на теорию семи климатов.

Кроме нее, наш ученый рассказывал о делении земли на четверти: восток и юг с жарой и сухостью, преобладающими из-за близости солнца; запад и север с доминирующими холодом и влажностью из-за отдаленности светила. По мнению ал-Мас‘уди, обитатели восточной четверти отмечены могуществом власти правителей и благородством душ, склонностью к искусствам и наукам; жители западной четверти отличаются склонностью к набожности и благочестию.

Среди разных народов наш автор выделял именно персов, поскольку они жили в четвертом, срединном климате Вавилона (*Баби-*

⁶⁹ *Maçoudi*. Т. I. P. 181–182.

⁷⁰ *al-Masûdi*. P. 70.

ла). Именно такое положение, по мнению ал-Мас'уди, определило величие власти персов, древность и упорядоченность их правления, свойственную им добрую политику и мягкость по отношению к подвластному населению, заселенность и процветание областей, подчиненность многих владык мира их власти. «Именно из-за его (климата — Т.К.) центрального положения, о котором мы упоминали, владыки древних народов поселились здесь, ведь отношение владыки к государству таково, как отношение сердца к телу, где оно находится»⁷¹.

Напротив, отдаленные от центра земли и солнца народы называются мало цивилизованными: «Что до обитателей северной четверти земли, то это те, у которых солнце удалено от зенита, пребывающие на севере, такие, как славяне, франки и их соседи. Власть солнца над ними слаба из-за удаленности от него, над их областями господствует холод и влажность, у них сменяют друг друга снег и мороз, поэтому среди них редок пылкий темперамент. Их тела стали увеличенными, их природные свойства стали грубыми, а характер неуравновешенным, их умы не развиты, а языки тяжеловесны. Цвет [кожи] стал белым сверх меры настолько, что от белизны перешел в голубой, их кожа тонка, а плоть груба. Глаза тоже стали голубыми, их волосы не курчавятся и стали рыжими из-за преобладания влажных паров... А у тех, кто не относится к ним и обитает далее на север, господствует тупость, грубость и жестокость, и эти качества умножаются по мере их удаления к северу». Сюда же относятся тюрки: «Лица их стали круглыми, а глаза маленькими, по той причине, что в их лицах [должно] удерживаться тепло, когда их телами овладевает холод. А поскольку холодный темперамент порождает обилие крови, цвет [их тел] становится красным: ведь последствие охлаждения таково, что тепло собирается в одном месте и проявляется здесь... Что же касается тех, кто находится за этой широтой на расстояние свыше 60 миль, то это — народы *йаджудж* и *маджудж* (легендарные библейские *гог* и *магог* — Т.К.), они живут в шестом климате, они, поистине, из числа животных». Жители южной четверти земли также грубы и неотесанны из-за слишком близкого положения к солнцу, где оно палящее и обжигающее; это люди чернокожие и курчавые⁷².

⁷¹ *al-Masûdi*. P. 36.

⁷² *Ibidem*. P. 23–24.

Таким был результат осознания и осмысления географического пространства арабским автором, опиравшемся на традиционные и новые представления средневековых ученых. Ал-Мас‘уди смог осуществить переход от временного представления о прошлых и настоящих народах к пространственному определению их места. В представлениях ал-Мас‘уди образ пространства стал одновременно и образом времени; их роли смыкаются и являют собой достаточно отчетливую пространственно-временную картину мира, свойственную средневековым хранителям знаний, — хронотопа, по мысли М.М. Бахтина⁷³.

⁷³ Бахтин М.М. Вопросы литературы. С. 235.